

Конфуцианская теория международных отношений: история и перспективы

Бардакчян Оганес Х.

Аспирант 2-ого года обучения,

преподаватель Российско-Армянского Университета (Ереван, РА)

hovobard@gmail.com

УДК: 327; EDN: VJBZJX

Ключевые слова: теория, император, традиционная, концепция, страна, государство, Китай, мир, международные отношения, интерпретация

Միջազգային հարաբերությունների կոնֆուցիական տեսությունը՝ պատմություն և հեռանկարներ

Բարդակչյան Հովհաննես Խ.

2-րդ կուրսի ասպիրանտ, Հայ-Ռուսական Հանրապետության համալսարան (Երևան, ՀՀ)

hovobard@gmail.com

Ամփոփագիր. Միջազգային հարաբերությունների ժամանակակից տեսությունը, ինչպես նաև միջազգային հարաբերությունների ողջ ժամանակակից համակարգը, պատմական տեսանկյունից, ի հայտ եկավ համեմատաբար ուշ: Մինչ Վեստֆալյան խաղաղության պայմանագրի կնքումը, ոչ միայն երկրագնդի, այլև Եվրասիա մայրցամաքի տարբեր անկյուններում գոյություն ունեին ՄՀ-ի տարածաշրջանային տեսություններն ու համակարգերը, որոնցից մեկը ավանդական Չինական կամ Կոնֆուցիական համակարգն է:

Հոդվածում քննարկվում է Կոնֆուցիականության տեսության տեղն ու ազդեցությունը Կայսերական Չինաստանի միջազգային հարաբերությունների վրա, ինչպես նաև ավանդական գաղափարների ազդեցությունը Չինաստանի Ժողովրդական Հանրապետության ՄՀ ժամանակակից հետազոտողների վրա: Վերլուծվում է այդ ազդեցության աստիճանը, ինչպես նաև պատմական գաղափարների կիրառման հեռանկարները համաշխարհային քաղաքական և տնտեսական լանդշաֆտի մասնատվածության համատեքստում:

Հանգուցաբառեր՝ տեսություն, կայսր, ավանդական, հայեցակարգ, երկիր, պետություն, Չինաստան, աշխարհ, միջազգային հարաբերություններ, մեկնաբանություն

Confucian Theory of International Relations: History and Perspectives

Bardakchyan Hovhanes Kh.

2nd year study Postgraduate student, lecturer at the Russian-Armenian University (Yerevan, RA)

hovobard@gmail.com

Annotation: The modern theory of international relations, like the entire modern system of international relations, in a historical perspective, appeared relatively recently. Prior to the conclusion of the Westphalian Peace Treaty, in different parts of not only the globe, but also the Eurasia continent, there were their own regional theories and systems of IR, one of which is the Traditional Chinese or Confucian system.

The article discusses the place and influence of Confucian theory on the international relations of Imperial China, as well as the influence of traditional ideas on modern researchers of the IR in the People's Republic of China. We analyze the degree of this influence, as well as the prospects for the application of historical ideas in the context of the fragmentation of the global political and economic landscape.

Keywords: theory, emperor, traditional, concept, country, state, China, world, international relations, interpretation

Китай не является новичком в международных отношениях. Дипломатическая служба Поднебесной, как и сам Китай, имеет многовековую историю. Точно так же, как и те теории и концепции, в рамках которых действовали китайские дипломаты вплоть до конца девятнадцатого века, когда внешние и внутренние факторы вынудили элиту империи пересмотреть свои взгляды на многие аспекты.

Однако современная китайская внешняя политика, несмотря на всю свою «западность», несет на себе незримый отпечаток тысячелетне-

го опыта деятельности императорских чиновников от дипломатии. Из-за чего, для полноценного понимания современной внешней политики КНР, исследователям необходимо внимательно изучить традиционную для Китая теорию международных отношений.

Основой для традиционной теории международных отношений Китая, как и для всего жизненного уклада страны, выступала конфуцианская философия, которая долгие столетия являлась основной идеологией, стоящей на вооружении империи. Именно в рамках конфу-

цианства была оформлена традиционная для Поднебесной идея «чести».

Согласно традиционному взгляду китайцев на мир, императоры обладали «небесным мандатом» (кит. 天命, *tiānmìng*), своеобразным разрешением на управление Срединным государством от небес. Однако мандат можно было очень легко потерять. Для этого достаточно было вести аморальный образ жизни, не исполнять возложенные на себя обязанности и, в целом, предпринимать действия, наносящие вред авторитету института императора и государства. Симметрично, сохранение высокого морального облика, эффективное управления и другие деяния направленные на укрепление государства показывали, что небесный мандат находится в правильных руках и нужды в его замене (кит. 革命, *gémìng*) нет. Падение авторитета центра могло привести как к иноземному вторжению, так и к восстанию внутри страны. В связи с этим, стратегическую важность приобретало сохранение престижа институтов власти в империи не только перед собственными подданными, но и иноземными правителями [1 с. 112-113].

Для этого был разработан сложный и многоступенчатый дипломатический протокол, наиболее известным элементом которого является процедура «Коутоу» (кит. 叩头). Представитель иноземного правителя или духовного лидера должен был встать на колени перед императором и трижды коснуться лбом пола. Фактически этот обряд показывал подчиненное положение того государства или кочевой группы, которую представляла конкретная делегация [4].

Однако не только правящие круги Китая получали легитимность благодаря тому, что их признавали как сюзеренов правители соседних государств. Малые страны, окружающие Поднебесную так же ощутимо зависели от того, признает ли их «центр» или же нет. Проявлением этого являлось то, что часто именно из рук китайских императоров вожди соседних стран получали царские титулы [7].

Современным проявлением идеи сохранения чести является концепция «сохранения и потери лица», активно используемая не только китайской дипломатией, но и бизнесом [5].

Исходя из вышесказанного, мы можем прийти к заключению о том, что важной особенностью традиционной теории МО Китая является китаецентричность. Данная концепция подразумевает то, что Китай является своеобразным центром мира. «Центром» же самого Китая выступал Император как лицо, наделенное «небесным мандатом». То есть с точки зрения традиционной китайской теории МО, все периферийные страны должны были подчиняться Подне-

бесной, которой правил уполномоченное по воле небес лицо – император. Отсюда исходит логическое утверждение о том, что «кто правит центром мира, тот правит самим миром».

В своей книге «Мир, созданный торговлей» Кеннет Померанц и Стивен Топик описали отношения между китайским императором и его подданными в виде концентрических кругов. Первый из этих кругов состоял из подданных, непосредственно управляемых императором, и его чиновниками, уплачивавших обязательный налог в казну. Второй круг состоял из тех, кто управлялся и жил под властью частично ассимилированных местных вождей или королей, живших в непосредственной близости от китайских границ. Эти страны и племена, как правило, продолжали жить по своим собственным правилам и законам, подвергаясь китайскому влиянию лишь частично. Представители этих народов регулярно платили дань китайскому императору, а так же вели торговлю без каких-либо существенных ограничений. Третий круг состоял из менее ассимилированных правителей и королей, плативших дань еще реже. В то же время торговля с ними подвергалась большому количеству запретов и ограничений. Четвертый и самый дальний круг народов или государств вокруг китайской цивилизации не платил дани вообще. Данную категорию стран в Китае традиционно называли «варварами». Они не вели прямой торговли в рамках китайской даннической системы. Поэтому их торговля была либо ограничена одним или двумя конкретными приграничными городами, либо им приходилось вести свою торговлю через посредников [6].

Исходя из вышесказанного, мы можем прийти к еще одной особенности традиционной китайской теории МО. Последователи западных теорий утверждают, что международные отношения анархичны в своей сути, несмотря на то, что каждое из направлений определяет причину этого по-своему. Китаецентричная же система международных отношений является иерархичной. Это в корне отличает ее от абсолютного большинства западных теорий МО, которые используются в современном мире [4].

Проявлением иерархичности можно назвать то, что по негласной договоренности между странами, в Восточной Азии был только один император. Правители сопредельных стран, таких как Корея, Вьетнам и другие в лучшем случае носили титулы царей, но не императоров. Единственным исключением из правил был японский правитель, который так же носил титул императора, однако это стало возможным лишь благодаря островному положению японского государства.

Традиционная китайская теория международных отношений, несмотря на свои фундаментальные отличия, имеет некоторые сходства с рядом важнейших концепций, используемых в классической теории МО и геополитике. Так концепция многоступенчатой модели «центр-периферия» была воплощена в предложенной Хертфордом Маккиндером модели Географической оси в виде соотношения Хартленда, Внутреннего полумесяца и Внешнего полумесяца. Развитый дипломатический протокол, вместе со своими писаными и неписаными правилами так же занимает важнейшее место в современных международных отношениях.

Кроме того, в рамках внутрикитайского политического дискурса появились национальные вариации классических теорий международных отношений. Так профессор Университета Цинхуа Ян Сюэтуан предложил концепцию «Морального реализма». Суть состоит в том, что кроме идеи «Силы» в МО необходимо учитывать и моральный аспект взаимоотношений между государствами. То есть насколько страны авторитетны именно с моральной точки зрения. Согласно профессору Яну, часто именно степень «моральности» может стать решающим фактором при выборе линии поведения по отношению к конкретному государству [3].

Другим важным аспектом, на который стоит обратить внимание, является продолжение активной разработки собственного, национального инструментария, с помощью которого китайские исследователи могли бы совмещать как традиционные ТМО, так и чисто китайские теории. Важное место здесь занимает предложенное политологом Цинь Яцином концепция «гэ и» (кит. 格义, geyi), или «интерпретация по аналогии, что означает использование определенной концептуальной схемы для объяснения и интерпретации реальности. Цинь Яцин выделяет три подхода в интерпретации по аналогии: лицевая, обратная и интерактивная [2].

Лицевое толкование по аналогии (кит. 正向格义, zhengxiang geyi) подразумевает под собой интерпретацию реальности с помощью утвердившихся в рамках китайской традиции концепций [2].

Оборотное толкование по аналогии (кит. 反向格义, fanxiang geyi), наоборот, подразумевает использование иностранных понятийный аппарат для интерпретации реальности [2].

Интерактивная интерпретация (кит. 交互格义, jiaohu geyi), предложенная Цинь Яцином, подразумевает взаимное использование

«коренных» и «чужеродных» концептуальных основ [2].

Подводя итоги можно сказать, что с точки зрения теории международных отношений конфуцианская теория МО не имеет широкого практического применения в современных реалиях, где пока еще господствуют классические западные концепции. Однако, несмотря на это, традиционные для внутрикитайского дискурса вопросы, такие как особая конфуцианская мораль по-прежнему влияют на мировосприятие китайских исследователей.

В условиях мирового политического кризиса и ускоряющихся в связи с этим процессов регионализации и фрагментации мира, мы стоим перед перспективой вероятного развала единой системы международных отношений и формирования нескольких отдельных кластеров, где будут существовать свои правила и особенности. С этой точки зрения, традиционные концепции могут стать необходимой основой для создания или восстановления систем международных отношений, существовавших в доколониальную эпоху.

Перечень использованной литературы

1. **Васильев Л. С.** Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Восточная литература, 2001. – 488 с.
2. **Грачиков Е. Н.** Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 187–200.
3. **Кривохиж С. В. Соболева Е. Д.** Теория морального реализма Янь Сюэтуна. // в кн. Незападные теории международных отношений. Азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства. Аспект-пресс, 2019.
4. **Danner L. K.** China's Grand Strategy: Contradictory Foreign Policy? – Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. – 207 pp.
5. **Ding M., Xu J.** The Chinese Way. Abingdon, UK: Routledge, 2015. – 366 pp.
6. **Pomeranz K. Topik S.** The World That Trade Created Society, Culture, and the World Economy, 1400 to the Present. – New York: M.E. Sharpe, 2006. – 358 pp.
7. **Twitchett D. C., Fairbank J. K.** The Cambridge History of China. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1978. – 237 pp.

Сдана/Հանձնվել է 26.04.2022

Рецензирована/Գրախոսվել է 10.05.2022

Принята/Ընդունվել է 17.05.2022